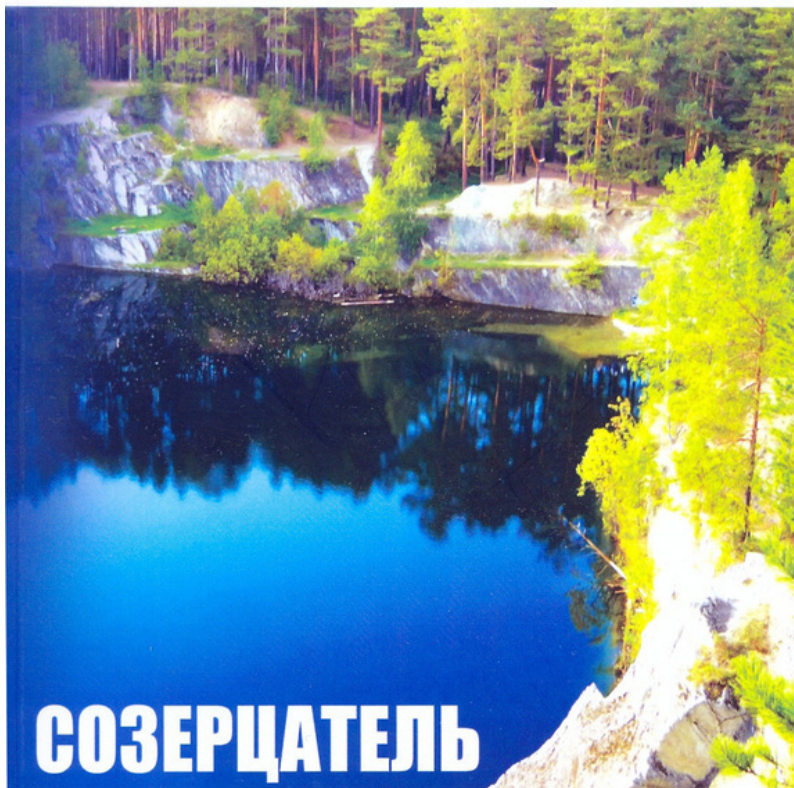

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ

СОЗЕРЦАТЕЛЬ

АВТОРСКАЯ КНИГА

Александр Петров

Созерцатель

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300245

Созерцатель:

Аннотация

Жил себе Андрей обычно и бессмысленно, как вдруг познакомился он с Созерцателем – и с той минуты судьба его круто изменилась. Шаг за шагом он стал учиться полагаться на волю Божию, что на практике даже с крепко верующими случается редко. «Ну, и что он с этого имеет?» – спросит обыватель. Непрестанное духовное напряжение, существование между небом и землёй, адом и раем – да кто же понесёт такое добровольно? Но и это не всё!.. «Бог не даёт великого дарования без великого испытания», – сказал преподобный Исаак Сирин. И великие испытания не заставляют себя ждать. Убийцы и маньяки, соблазнительницы и предатели, фарисеи и изменники – все эти неприятности ежедневно сопутствуют созерцателю, в общем-то, одинокому и немощному человеку, у которого помощник – один Бог, невидимый и отвергаемый большинством. Да возможно ли это в наше суетное время «всеобщей долларизации»? Автору посчастливилось познакомиться с такими людьми, пожить с ними бок о бок, провести не один год в совместной молитве и рассуждениях, поэтому он отвечает на расхожее недоумение

– да, возможно! Только даётся это далеко не каждому, потому что требует от человека той детской чистой веры с горчичное зёрнышко, которая горы передвигает, ради которой не жалко и жизнь отдать.

Содержание

Часть 1	5
Спящий лев	5
К вопросу о поиске сокровищ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Петров

Созерцатель

*В груди, там, где пульсировало сердце, только
гораздо глубже, настолько глубже, насколько выше
человека небо и то, что превьшие небес, – там, на
немыслимой глубине души, я увидел свет.*

Часть 1

*Я жить-то не умею,
Не то что убивать.
«Солдат Киплинга»
Ю. Кукин*

Спящий лев

Это был странный человек, и всё, связанное с ним, так же казалось несколько странным. Он непривычно выглядел, одевался, говорил, двигался и видел окружающий мир. И появился в моей жизни так же необычно.

Тогда стояли первые погожие дни начала лета. В пятницу вечером у выхода из метро я встречал свою Ларису. Она не отличалась пунктуальностью, могла по пути домой зайти в

магазин, встретить и вдоволь наговориться с подругой, поэтому ожидать её приходилось подолгу.

Чуть позже моё одиночество разделил Борис и тоже занял место в нервной шеренге встречающих. Раньше он играл на синтезаторе в знаменитой рок-группе и даже слегка преуспевал. Но за плохо законспирированный роман с женой солиста был сильно избит и изгнан из группы вон. Мстительный солист не успокоился на административных мерах и сообщил об измене красавице Ляле, жене Бориса, и та от него ушла, отсудив «Ситроен», дачу на Пахре и две комнаты трехкомнатной квартиры.

После этого Борис сочинял на дому музыку для показа моделей знаменитому модельеру. Часть гонорара ему выплачивали непристойными фильмами, которые вдохновляли его страстные фортиссимо и разбавляли адреналином вялую кровь. Жил он в «однушке» на семнадцатом этаже, с каждым годом всё больше спивался, сгибался, лысел и мрачнел. Борис занудно рассказывал о капризах модельера и наезде налоговой полиции, курил одну сигарету за другой, отхлебывал из гламурной плоской фляжки со стразами жидкость, пахнущую карболкой, и от каждого глотка судорожно дергался, глубоко дышал и морщился.

Я рассеянно слушал его бурчание и смотрел на лица выходящих из подземелья пассажиров. На них падали розовые лучи заката. Люди жмурились, хмурились, сонно потягивались, рассеянно шарили глазами по шеренге встречающих...

Это меня удивило: вечер пятницы, теплый и румяный, как щеки влюблённой старшеклассницы, позади рабочая неделя, впереди выходные – а на лицах людей, прошедших передо мной за восемнадцать минут, ни одной улыбки! «Деньги кончились, долги растут, здоровье никакое, Лялька в Ницце с новым бой-френдом, сын в Штатах автостопом и полгода не звонит, закат кровавый, люди сволочи, поясницу ломит», – долдонил Борис у меня под боком, ожидая дежурную подругу.

И тут среди толпы мрачных усталых людей – сверкнула улыбка! Простая человеческая улыбка рядового горожанина – и на душе потеплело... Я взглянул на табло, висевшее над входом. Лампочки выстроились в следующую композицию: «20–32, 754 mm, 21°C». Словно молния проскочила в глубине мозга – это первый час вечера новой жизни.

– Кто это? – спросил я всезнающего Бориса.

– Так, местный дурачок Гоша. Шляется с утра до вечера, не работает и – гад такой – не пьёт. Совсем уже!..

Я пригляделся к незнакомцу, благо тот встал и любовался багровым небом в синих крыльях облаков. Длинные растрепанные волосы, небрежная бородка-эспаньолка, светло-серые прозрачные глаза, подвижные длинные руки, куртка цвета хаки, примерно как у Джона Леннона, бесформенные и бесцветные джинсы, брезентовая сумка для противогаза через плечо. ...И улыбка!

Он сосредоточенно разглядывал западное небо, словно

пытался запомнить, как разглядывают, должно быть, родной город или село, которое покидают навечно. На что же там смотреть так долго? Повернулся на запад и я. О, это выглядело на самом деле таинственно и величественно: острова фиолетовых облаков, плывущих, летящих, парящих в океане червонного золота. Перевел взгляд на Гошу – на его лицо, в глазах, поверхности лба и скулах – едва заметно теплились мягкие переливы бордовых оттенков.

Видимо, он перехватил мой изучающий взгляд, подошел и протянул руку:

– Привет! Позвольте представиться: Игорь Беклемишев, созерцатель, – сказал он приятным голосом. Я не видел причин отказать ему в знакомстве, более того – обрадовался и энергично пожал протянутую руку.

– И какой ныне оклад жалования у созерцателей? – прогнусавил Борис где-то до неприятности рядом.

Игорь с рассеянной улыбкой взглянул на него, сквозь него, над ним, вокруг него, видимо, не понимая смысла вопроса.

– На какие средства прозябаешь, Гоша? – громко, по словам, как иностранца, переспросил Борис.

– Ах, это! – воскликнул тот, озарившись счастливой улыбкой. – В смысле, откуда деньги? – Замолчал он, будто что-то вспоминая. – Точно сказать так сразу не могу. – Снова замолчал он, будто подыскивая слова. – Но полагаю, из разных источников. – Подумал немного, уверенно кивнул и произ-

нес: – Да, несомненно, из разных.

Говорил он медленно, с паузами, и кто знает, сколько непроявленных эмоций и невысказанных слов оставалась там, под лобной костью черепной коробки.

– Тогда, может, дашь займы нищему музыканту? А, Гош?

– Пожалуйста, – с готовностью откликнулся Игорь и достал из кармана куртки несколько мятых десятирублёвок. – Сколько тебе нужно?

– Это что за фантики? – презренно спросил агрессивный рокер, у которого самой мелкой купюрой считалась двадцатидолларовая, то есть около шестисот рублей по курсу того знакового дня.

– Борис, – вклинился я, – отстань от человека. Что ты в самом деле!..

Скоро должна была появиться моя Лариса, а мне почему-то ужас как не хотелось потерять этого странного человека.

– Ты... Вы... Простите... – замялся я.

– Ничего, можно и на «ты», – кивнул Гоша, невольно продолжая разглядывать через мое плечо закат.

– Ты, Игорь, дай, пожалуйста, телефон. Я позвоню тебе. Поговорим. А?

– Конечно. Вот здесь, кажется, написано, – протянул он мне визитную карточку. – Очень рад знакомству.

Не успел я как следует удивиться наличию визитной карточки у такого вроде бы непрактичного человека, как подо-

шла моя Лариса. Увы, она тоже не улыбалась...

А вечером, после ужина, усталая подруга Лора задремала у телевизора. Я подошел к дивану, опустился на корточки, внимательно посмотрел на её расслабленное лицо, красивое и незащитно-детское. Иногда она сопела, похрапывала, бормотала, вздрагивала. Когда она спала, я обычно ощущал в груди живое теплое чувство, похожее, должно быть, на отеческую любовь, полную всепрощения и жалости.

Помнится, раньше, когда мы только познакомились и она поселилась в моей холостяцкой квартире, одно присутствие этой женщины придавало моему существованию мощный жизненный импульс. Так, наверное, во все времена мужчины уходили из дому на охоту и вступали в единоборство с диким зверем, зная, что добычу дома ожидает женщина, дети... Мне, признаться, очень нравилось такое стимулирование, эдакое дикарское желание сдвинуть горы, скрутить медведя, завалить мамонта, пронзить гарпуном трехпудового осетра или, на худой конец, достать звезду с неба. В последние месяцы потребность двигать камни, валить, скручивать, пронзать кого-нибудь я в себе почти не ощущал. Мощный стимул ушел из моей жизни. Вот и на этот раз я прислушался к себе, и ничего, кроме пустоты, и ничего, кроме желания поскорее уйти, не почувствовал. Что-то происходит, пронеслось в голове.

Встал, на цыпочках прошел на кухню, положил перед собой визитную карточку (*«Игорь Беклемишев, телефон..., ад-*

рес...») и, бдительно оглянувшись, набрал номер телефона. Игорь поднял трубку и без признаков удивления бодро заговорил со мной. Для начала предложил подойти к окну и взглянуть на звезды. Я подошел, отодвинул тюлевую занавеску, вдохнул тленный запах пыли и посмотрел сквозь мутное оконное стекло на доступный обзору сектор вселенной. Там, среди звезд, на фиолетовом небе, светила яркая луна. Под нашими окнами на лавочке у миртового куста молодой парень брэнчал на гитаре и пел девушкам нечто томно-гармоничное про черные глаза. Давно забытое звучание акустической гитары всколыхнуло тёплые воспоминания из давно ушедшей юности. В гитаристе не без труда узнал соседского Алешу и удивился: совсем недавно мама возила его в коляске, потом первый раз водила в школу, потом он учился ездить на трехколесном велосипеде.

Мальчика этого с раннего детства причислили к вундеркиндам. Мама наняла ему учителя музыки, – и уже через пару месяцев Леша часами играл джазовые импровизации в стиле Каунта Бейси. Потом его учили живописи, – и вскоре он уже стоял на Измайловском вернисаже и продавал собственные сюрреалистические картины на манер Макса Эрнста. Парня учили резьбе по дереву, поэзии, бальным танцам, гимнастике и серфингу, и всегда он в скорейшее время овладевал искусством, доказывал маме, что он превзошел учителя и без объяснений бросал.

Последний раз мы с его мамой встретились в лифте, где

она мне сообщила, что Лешка организовал свою рок-группу «АУТ». Играют ребята собственные композиции, в которых пытаются скрестить «Нирвану» с «Пинк Флойдом». Летом АУТисты ездили в первое турне и даже заработали некоторые деньги, закупили профессиональную аппаратуру, записали в студии и выпустили первый диск. На прощанье Алешина мама достала из сумки «случайно прихваченный» диск и вручила мне, а я дома прослушал, удивляясь обилию звуковых эффектов и мощной оркестровке. Еще мне там запали в душу слова: «...а ты, бредущий по краю, желаешь себе покоя; тебе его не дожидаться, впереди у тебя пропасть...» – и в довесок хорошая порция электронного рёва с угрожающим завыванием вокалиста. Впечатляет. Да...

Эти метаморфозы с мальчиком происходили на моей памяти в течение всего-то нескольких лет, которые промелькнули для меня как миг. Как быстро вырастают чужие дети!.. И вот, гляньте на этого волосатого верзилу – «Вспоминаю, умираю – Чёрные глаза – Я только о тебе мечтаю – Чёрные глаза – Самые прекрасные – Чёрные глаза!» Глядя на хитрющую физиономию Лешки, я подозревал, что он, как сейчас говорят, «разводит лохов», вероятно с целью соблазнения девушек. Вряд ли этим тощеньким барби с голыми мо-сластыми животами, похожими как две капли мазута, могли понравиться его заумно-мистические композиции на тему смысла жизни под заунывно-взрывной электронный грохот. У меня в их возрасте было нечто похожее из фильма «Ар-

шин-мал-алан»: «Дэньги есть? – Есть, есть! – Дэньги есть, вийду я! – Ах, ты козочка моя!» Мы тоже пели эту муру, чтобы «приколоться». Впрочем, у нас многое похоже, ведь и они и мы – все относимся к одному поколению «Une generation perdu¹», да-да-да, именно «perdu»!.. Это всё промелькнуло в голове за несколько секунд, и я вернулся к голосу, звучащему в телефонной трубке.

– Андрей, вы... Ты не хочешь выйти на прогулку? – спросил Гоша. Да, мне хотелось на воздух. Сидеть дома и пялиться в телевизор желания не было. Зато меня тянуло туда, где улыбаются и любят закатом, облаками, звездами.

Мы встретились у станции метро и побрели по тихому, полусонному скверу. Игорь сходу заговорил о звездах, о небе, о поэзии и живописи – и я подумал, что говорю с сумасшедшим. Потом переключился на историю, биологию и даже психологию – и я подумал, что он всё же не совсем сумасшедший. Он не только сыпал информацией, но постоянно спрашивал моё мнение и вызывал на дискуссию.

Мне доводилось и раньше бродить по этому скверу. Например, под мелким затяжным дождем, когда я вдруг облачался в длинный светло-серый плащ с объемным внутренним карманом для небольшого автомата типа УЗИ, выходил из дому и шагал неведь куда по дорожке сквера, огибая лужи. Мимо спешили прохожие с зонтами. Пахло листвой, цветами, весной, мокрой цветочной пылью или прибитой во-

¹ «Une generation perdu» (*фр.*) – потерянное поколение

дой пылью. Шуршал дождь, весело попискивали невидимые птицы. ... Или даже ночью, когда я, одуревший от работы на компьютере, выходил подышать и так же прогуливался по скверу, обходя стороной тихие парочки и шумные компании любителей пива. Или просто по этой дорожке мимо лип, тополей и каштанов брёл в сторону торгового центра. Но!.. Никогда еще воздух этого сквера не казался мне в такой степени насыщенным идеями, мыслями, тайнами, наконец. И ни сквер, и уж точно ни я сам – являлись источниками этой насыщенности, а вот этот практически незнакомый мужчина, шагавший рядом.

Проголодавшись, заглянули в подвальчик кофейного клуба с ярко-красной неоновой вывеской «Спящий лев». Там среди лабиринта терракотовых кирпичных стен и перегородок витал густой запах кофе, жареного сыра, ванили и, кажется, кубинских сигар. Не подавая меню, не дожидаясь заказа, как постоянным клиентам, официант в красной бабочке принес нам по паре больших горячих бутербродов с ветчиной, салатом, помидором, тем самым пахучим прожаренным «Пармезаном» и по большой чашке пенистого черного кофе. Я со стыдом признался, что выскочил из дому без денег, у Игоря по моим прикидкам в карманах тоже ветер гулял. Сотрапезник легкомысленно пожал плечами и, продолжая рассеянно улыбаться, пробурчал что-то вроде: «Не волнуйся, вот увидишь, всё образуется».

Я прислушался к мягко звучащим грегорианским песно-

пениям «Enigma», узнал «Sadness» с платинового альбома «MCMXC a.D.»:

Procedamus in pace
In nomine Christi, Amen.

*(И пойдём мы в мир
Во имя Христа, Аминь.)*

Cum angelis et pueris,
Fideles inveniamur.

*(Мы найдем верующих в
Сонме ангелов и младенцев.)*

Attollite portas, principes, vestras

Et elevamini, portae aeternales

Et introibit rex gloriae

Qius est iste Rex glorie?

(Поднимите, врата, верхи ваши,

И поднимитесь, двери вечности,

И войдет Царь славы!

Кто сей Царь славы?)

Мне нравилась эта песня, она успокаивала. Я стал собираться с мыслями, чтобы продолжить беседу, в голове моей кружились обрывки множества вопросов, но спокойно поговорить не дали: к Игорю подходили знакомые и приветствовали.

Вот из затемненного угла вышел к нам бритоголовый накачанный парень в безразмерном рыжем твидовом пиджаке и уважительно пожал руку Игорю, на всякий случай кивнул

мне; подозвал официанта и сказал: «Всё, что они возьмут, запиши на мой счет».

– Игорь, – наклонился к нему бритоголовый, – ты слышал, у нас в районе уже появился первый охотник?

– Какой охотник, Василий?

– Ну ты что, «Трудную мишень» с Ван Даммом не смотрел? Там солидолы развлекаются охотой на таких как ты, одиноких, незащищенных мужиков.

– Насчет «беззащитного», думаю ты преувеличиваешь. Надеюсь, если они выберут мою убогую персону, я стану для них именно тот самой «трудной мишенью».

– Ага, жди, – иронично кивнул Вася, затем нахмурился и как неразумному дитяте строго сказал: – Ты вот что, Игорь, если кого-нибудь подозрительного увидишь, заподозришь чего – сразу ко мне. Я тебя отмажу. Хакей?

– Ладненько. Спасибо за столь трогательную заботу. Это очень приятно.

– Кто это? – спросил я, когда Василий ушел.

– Официально – член ОПГ. По-простому – бандит.

– Да?..

– Ну а что такого, – пожал он плечами, – тоже ведь люди. Солдаты нынешней гражданской войны по переделу собственности. А Вася к тому же – мой сосед. Он много читает и даже что-то пишет.

– Гош, дай столык на фанту, а? – рыкнул хриплым басом седобородый мужчина в мятом чесучовом пиджаке до-

военного кроя, красной футболке и безразмерных бордовых вельветовых брюках.

– Прости, Федор Семенович, – откликнулся Игорь мягким голосом. – Сегодня никак.

– Жаль, у меня под это имеется увлекательная правдивейшая история. Тогда как-нибудь при случае.

– Непременно.

– Что это за странное увлечение фантой, – удивился я, – у столь харизматического престарелого светского льва?

– А, ты об этом, – улыбнулся Игорь. – Дело в том, что вообще-то в этом клубе спиртное под запретом. Но для постоянных клиентов делают исключение. Им под видом фанты подают хлебное вино, слегка подкрашенное апельсиновым концентратом.

Из дальнего затемненного угла заведения, как леший из ночного тумана, выступил и приблизился к нам солидный мужчина с золотыми часами, сигарой во рту и так же проявил уважение:

– Отдыхаем, господа? Не хотите ли за наш столик? У нас там «сыто-пьяно».

– Спасибо, мы сегодня на скорую руку, слегка подкрепиться. Нам с другом поговорить нужно.

– Ну, что ж, значит, в следующий раз, – покладисто улыбнулся господин. – Но имей в виду, Игорь, у меня к тебе дело на сто пудов. – Он склонился к самому уху Игоря и громко прошептал: – Надо отвезти на Урал одну вещицу и получить

деньги.

Потом подозвал официанта и сказал:

– Саня, счет Игоря принесешь мне. Я оплачу.

Парень в белой рубашке с красной бабочкой послушно кивнул, и затем наклонился к Игорю и сказал:

– В следующий раз можете ужинать за счет заведения. Шеф передает тебе свой респект. Благодаря твоему членству, Игорь, в клуб солидные люди стали заходить, так что у нас все в порядке! – Потом, хлопнул себя по лбу: – Да, Игорь, мне один клиент обещал достать лицензионный диск «Энигмы» – какой-то вроде бы «Королевский». Скоро принесёт!

– Спасибо, Саша, – улыбнулся Игорь, – с удовольствием послушаю.

– А это кто был? – спросил я, кивнув в сторону вернувшегося в тень господина.

– Антиквар. Начинающий. Денег много, есть интерес, а отличить новодел от древности пока не научился. Вот я ему и помогаю.

Потом Игорь меня провожал до дому, затем я его. Пили чай у него дома, смотрели старинные фотографии, слушали песни, смотрели в телескоп. Всё это время мне казалось, что рядом родная душа, человек, которому я не безразличен. С ним было удивительно комфортно и спокойно.

Потом брели по безлюдному ночному скверу. А здесь!.. Над дремлющей землей, от недавно скошенной травы, под-

нимались душистые туманы. Они обволакивали темные стволы деревьев, пронизывали силуэты ветвей, сизые кудри листвы, бесследно растворялись в темном бархате неба. Там, в непостижимой высоте среди пепельных облаков сияли несметными сокровищами бриллианты звезд.

Мы, не сговариваясь, остановились и замерли в зачарованном оцепенении. Игорь стоял рядом, чуть сзади и говорил:

– Брат мой, Андрей, послушай – это важно! Бог в откровении святым поведал, что Он создал это необозримое, непостижимое великолепие вселенной для человека, любимого дитя Своего, и всё Творцом сосчитано, всё до единой пылинки, до атома.

Послушай, брат мой, ведь миллиарды звезд, галактик, созвездий, планет, спутников, комет – всё это великое многообразие создано для нас: тебя, меня и таких же как мы чело- веков. Ты понимаешь это?

Я удивленно молчал, не зная что ответить, и только согласен кивал.

– Ты понимаешь то, что не может вместить в себя наш изуродованный грехом разум? Давай попробуем лишь слегка прикоснуться к этой очевидной тайне. Бог создал все звезды для человеков и сказал им: плодитесь и размножайтесь и на- селяйте этот сотворённый для вас мир. Адам и Ева имели та- кие тела, которые не могли повредить стихии – ни огонь, ни камень, ни вода. После грехопадения Бог одел их в кожаные

ризы для продолжения жизни в смертном теле на прокаженной грехом земле. Бог на протяжении земной жизни приводит человека сквозь огонь поиска истины, покаяния, скорби, боли; омывает нас слезами раскаяния и очищает от кожаных риз смерти. После перехода в вечность человек вернется в прежнее тело, которое будет совершеннее адамова.

Новый человек вернет себе первичное предназначение – быть сыном Божиим и станет владеть вселенной на правах царского сына и наследника. Человек будет плодиться и размножаться, ему тесно станет на Земле, он станет переселяться на другие планеты, станет обживать другие звездные системы, галактики... Да, да, нашим новым телам будут покоряться огромные расстояния, любые температуры, самые жесткие излучения – ничто не сможет воспрепятствовать освоению человеком пространства вселенной.

После всеобщего суда грех будет уничтожен очистительным огнем, и будет новая Земля и новое небо, и новая вселенная. И мы, новые люди, станем владеть ею и жить в ней гораздо лучше, чем Адам в раю, потому что человек, наученный горьким опытом, будет по-особому ценить всё, что создал для него и вручил ему в дар бесконечно любящий его Бог, Творец, Отец. Ты понимаешь меня?

– Понимаю. ...Не знаю, – сказал я смущенно. – Очень хочу понять.

Домой пришел я после полуночи, но никто этого не заме-

тил. Лора по-прежнему спала, по её красивому лицу скакали яркие блики телерекламы. Я выключил телевизор, присел на кухне, открыл дневник и кое-что для памяти записал. Так я стал невольным летописцем этого человека.

«...Однажды, в результате стечения ряда обстоятельств...» – начал я и задумался. Именно такой фразой можно было бы начать описание жизни Игоря Беклемишева, причем, с любого места. Поначалу-то мне казалось, что он неудачник из тех, у кого всё падает из рук. Ну, знаете таких недотёп: чего не коснутся, всё у них ломается. Но нет, познакомившись с ним поближе, я нащупал в его судьбе весьма стройную систему. Наиболее привлекательным показалось мне то, что его на самом деле не волновали те ценности, за которые большинство людей готовы друг друга растоптать, в крайнем случае, растолкать локтями. Такого человека не от мира сего еще называют бабочкой, одуванчиком, юродивым, или как Борис – городским дурачком. Сам он пропускал мимо ушей и мимо внимания эти малоприятные характеристики и величал себя так, как представился при знакомстве – созерцателем.

Чуть позже стало ясно что именно так привлекало меня в этом человеке. Но сначала пару слов о себе. Мне приходилось каждый день добывать хлеб насущный, с маслом и зернистой икрой – и это с некоторых пор стало моим несчастьем. Мало того, что ни придирки начальства, ни занудная работа мне не нравились, никаких перспектив на продвиже-

ние по службе и увеличение зарплаты не предвиделось. Признаться, меня это угнетало. Почти каждый день я повторял патетические слова Сатина из пьесы Горького «На дне»: «Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна – я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд – удовольствие, жизнь – хороша! Когда труд – обязанность, жизнь – рабство!»

И вдруг я встречаю человека, которому удалось вырваться из этого унылого рабства! Слова Пастернака «Надёжному куску объявлена вражда» стали для него чем-то вполне реальным. Игоря абсолютно не волновало отсутствие денег или их недостаток. Он не впадал по этому поводу в панику и не рвал на себе волосы – его «эта тема» вообще не волновала. «Да что же это! – возмущался мой зомбированный рассудок. – Как можно! В то время, как весь постсоветский народ, сплотившись вокруг партий и правительств, из последних сил строит светлое капиталистическое будущее, есть еще некоторые несознательные элементы, которые...» И мне, признаться, что-то так хотелось стать этим самым «несознательным элементом»... Но не мог! А он – Игорь – смог. «Когда я был маленьким, у меня тоже была бабушка. И я не смог загнать её в гроб. А он, – гневный жест в сторону поникшего Иночкина, – смог!»

Без сомнения, этот парень сумасшедший... Нет, неверно. Скорей всего – ненормальный. Ведь если разобраться, что такое ненормальный? Это тот, кто выходит из привычной

нормы, то есть, – это или гений, или идиот. Стрелка на моей шкале отношения к Игорю металась от одного экстремума к другому, пока не остановилась посередине, на точке с нулём, круглым как открытый в недоумении рот. Так кто же вы, господин Беклемишев?

Следующим утром выспавшаяся, а потому агрессивно-бодрая гражданская жена Лариса устроила мне, вялому и малодушному от недосыпа, легкий разминочный скандал. Из произнесенного в пафосном раздражении выговора я уловил следующее: 1) она является мечтой любого психически нормального мужчины, 2) содержание такой женщины, как она, стоит немалых денег, потому что одеваться ей положено в фирменных европейских бутиках, 3) тех денег, которые я зарабатываю, ей хватает только на самые дешевые тряпки производства Турции, 4) если я не стану зарабатывать хотя бы в три раза больше, она меня бросит и уйдет к одному из более состоятельных мужчин, от которых у неё, ну просто нет отбоя.

Смотрел я на её физиономию в красных пятнах и тупо раздумывал, что же привлекает меня в этой женщине? В те минуты затейного ею скандала ничего нас не соединяло, кроме требований с её стороны и недоумения с моей. Голос её, который в иные моменты бывал очень приятным, сейчас напоминал скрежет пилорамы. Лицо, которым я часто любовался, искажала гримаса ненависти. Жесты гибких кра-

сивых рук выражали готовность растерзать, ударить или оттолкнуть, чтобы я побольней треснулся затылком об стену. Я чувствовал себя ребенком, на которого наехал тяжелый грузовик. Тряхнув головой и пообещав найти деньги, я малодушно отступил, чтобы выиграть время и подумать обо всём этом чуть позже, в тишине и покое.

В полдень мы встретились с Игорем. Видимо, на моей физиономии продолжали догорать всполохи пожара, устроенного Лорой. Игорь выслушал мой невнятный ропот, грустно улыбнулся, ободряюще кивнул, пообещал помочь в этой расхожей беде и потащил меня, терзаемого сомнениями, к антиквару. По дороге объяснил, что ему нужен помощник в одном деликатном деле.

Пентхауз этого дельца, как бараний бок чесноком, был нашпигован аляповатыми вещами. Даже мне стало понятно, что хозяин покупал всё, что ему казалось ценным, и по-сорочьи тащил домой без разбору. Но вот на зеленом сукне ломберного стола с резными гнутыми ножками появился предмет, один вид которого вызвал уважение. Хозяин посерьезнел, подтащил стул с мягким сиденьем и усадил на него Игоря. Наступила тишина, которую нарушало только едва слышное тиканье каминных часов.

Я впервые присутствовал при оценке старинной вещи и даже разволновался. Игорь сидел, закрыв глаза, и пальцами ощупывал пасхальное золотое яйцо в сверкающих камнях

по синей эмали на изящной подставке. Подушечки пальцев прошлись по каждому камешку, повторили каждый едва заметный изгиб. Потом он открыл глаза и откинулся на спинку мягкого стула. Так он просидел еще минут пять. Мы с антикваром молчали и напряженно наблюдали за Игорем. О, в тот миг совсем не «городской дурачок» сидел на стуле, глядя в потолок, – маэстро!

– Да, это подлинник, – произнес Игорь отчетливо, – у меня нет никаких сомнений. Хозяев у артефакта было трое. Крови на нём, как ни странно, нет. Но, Валерий Васильевич, как вам удалось разыскать это?

– Прости, Игорь, секрет не мой, я не имею права разглашать информацию.

– Понимаю, – кивнул оценщик. – Так мне что же, этого Фаберже предстоит отвезти на Урал?

– Именно так, и сегодня же. А обратно привезти деньги. Мне! – Антиквар встал и навис над Игорем. – Скажи, что тебе для этого нужно? Самолет? Вертолет? Машину сопровождения? Машину отсечки? Взвод автоматчиков?

– Нет. Только билеты нам с моим другом на поезд туда и обратно. Ну, и на дорогу небольшую сумму, чтобы поесть-попить. Всё.

– А ты уверен, что этого достаточно?

– Абсолютно.

– Ну что ж, я тебе доверяю. По рекомендациям коллег, ты профессионал.

По дороге на вокзал Игорь протянул мне тысячу долларов аванса и вкратце объяснил свой план. В вагон поезда мы вошли вместе. Пока в купе никого не было, Игорь переоделся в выцветший спортивный костюм, а свою обычную одежду протянул мне. Я аккуратно сложил её в свою сумку через плечо и вышел будто бы подышать, смешался с толпой и отправился домой. Игорь уехал один.

Тысяча долларов, врученная мне Игорем, на какое-то время успокоила мою дорогую – во всех отношениях – подругу, и я получил временную передышку. Хотя что-то подсказывало, что после успеха эксперимента, попытки таким скандальным способом вытряхивать из меня деньги она не прекратит. И уж точно – любви у неё ко мне не наблюдалось даже в мизерных дозах. И это меня угнетало.

Дня три ходил я сам не свой. Без Игоря жизнь казалась пустой и бессмысленной. Я очень быстро привыкаю к чему-то хорошему, а когда теряю, всегда жутко переживаю. Мне кое-что открылось в Игоре, что еще больше притягивало. Во взгляде его лучистых глаз проживала такая светлая чистота, которая немо и кротко обличала человеческую нечистоту. Одних это призывало к покаянию, других бесило и сотрясало злобным страхом.

Вечером четвёртого дня меня безотчетно потянуло прочь из дому. Сначала я прошелся по скверу, внимательно прислушиваясь к себе. Нет, внутри стояло гулкое молчание, ко-

торое, в последний раз я испытывал на армейском плацу – это когда лупишь сапогами по асфальту, отбивая такт, смотришь в бритый затылок впередиидущего бойца, а в голове – ни-че-го! И тут на меня пахнуло ароматом кофе: я оказался рядом с кофейным клубом. На всякий случай проверил карманы, наскрёб несколько сотенных бумажек, прошел под горячей неоновой ярко-красной вывеской «Спящий лев» и спустился в запашистый подвал.

Там, как всегда, гудели возбужденные кофеином клубные завсегдатаи. Я замер в нерешительности, оглянулся и искал свободный столик. Про себя отметил, что ни антиквара Валерия Васильевича, ни «солдата гражданской войны по переделу собственности» Василия сегодня тут не было. Ко мне подлетел официант Саша в неизменной красной бабочке на белой рубашке и, гостеприимно улыбаясь, предложил присесть на свободное место за столом, наполовину занятым воркующей парочкой. Не успел опомниться, как передо мной выросла тарелка с горячим фирменным бутербродом и огромная чашка с крепчайшим пенистым эспрессо. Я почувствовал приступ голода и медленно, со вкусом откусил большой кусок сочного, многослойного бутерброда, сделал глоток кофе и... чуть не поперхнулся от удара по плечу.

Надо мной склонился знакомый Игоря по имени Федор Семенович. На этот раз старик оделся в белый свитер грубой вязки и широкие светлые льняные брюки. Всё-таки в чувстве стиля, хоть и весьма своеобразного, ему не отка-

жешь.

– Ты давеча с Гошей был, – заурчал он хриплым басом, присаживаясь на соседний стул, – поэтому я и подошел. Понимаешь, у нас с ним давняя традиция. Он мне выдаёт столик, а я ему – правдивую историю из жизни народных масс. Тебя как зовут?

– Андрей, – буркнул я, доставая из внутреннего кармана пиджака сторублевую купюру. А про себя подумал, что светский лев, скорей всего мягко говоря преувеличивает: вряд ли Игорь так уж часто носил в кармане сторублевые бумажки.

Старик ловко выхватил из моих пальцев бежевую бумажку с восемнадцатью ногами и одной головой и поднял высоко над своей львиной гривой. Её тут же перехватил Саша и через несколько секунд принес бутылочку фанты с фисташками на блюдечке. Как у них тут всё, однако, отлажено.

– Слушай, Андрюха, и не говори, что не слышал, – зарокотал мой собеседник. – Но сначала, как новичку, – предыстория. Как вышел на пенсию, потянуло меня, знаешь ли, в народ. На старости лет до меня дошло, что, сидя в начальственном кресле главка, народа, как такового, я не знал. То есть он мне казался безликой серой массой, которая вечно мешала мне жить. А как оборотил лицо своё к людям, открылась мне безбрежное море человеческой скорби.

Федор Семенович, огладил седую львиную шевелюру, прошелся растопыренной рукой, как расческой, по густой

бороде, зорко взглянул на меня, оценивая степень внимания, на примолкшую парочку молодых людей напротив и продолжил:

– Так вот однажды пригласил меня старинный друг во Владивосток. Прислал авиабилет и дорожные. Прилетел я туда, встретился с другом, посидели, поговорили. А наутро он пошел по делам, а я отправился гулять по городу, о котором много чего слышал, но бывать там не пришлось. Великолепный город, скажу тебе, Андрюха! Бухта, крепость, пирсы, база военного флота! Там буквально всё пронизано военно-морской славой. Правда, торгашеский дух тоже стал проникать, в основном из Китая и Японии. Но, ты знаешь, меня это не очень задевало. Все-таки люди там особые – крепкие, суровые, морским ветром просолённые. Забрел я в парк, а там под бюстом дважды героя на гранитной плите с цветами сидит пожилой мужик и... плачет. Я к нему. В чем, дескать, земляк, твое горе. А он спрашивает: хочешь выпить со мной? Ну кто я такой, скажи на милость, чтобы от такого предложения отказываться! К тому же, вижу, человек-то в расстройстве. Давай, говорю, друг горемычный, поддержи тебя в сей роковой момент жизни.

Федор Семенович замолк, отпил большой глоток из смешной ярко-рыжей бутылочки, еще раз обзрел внимательным взором слушателей – меня и парочку – и, протяжно вздохнув, сказал:

– Не дали, Андрюха, посидеть нам по-человечески. Не да-

ли!.. Только мы познакомились, только мы с Семеном завели душевную беседу, как откуда ни возьмись, вырос перед нами блюститель закона и взял под козырёк: почему нарушаем общественный порядок, с какой стати распиваем в неположенном месте? Достал мой печальный друг паспорт и протянул пареньку: читай, говорит, вслух! Тот «берет – как бомбу, берет – как ежа, как бритву обоюдоострую, берет, как гремучую в двадцать жал змею двухметроворостую – краснокожую паспортину», – он оглянулся, оценивая степень восторга публики цитатой из Маяковского, – милиционер раскрывает и читает имя, отчество и фамилию. Поднимает суровые глаза и спрашивает: ну и что? Как что, говорит, Семен, да ты на памятник-то взгляни и прочти, кому он тут поставлен. Мы с мальчиком в фуражке подняли глаза, прочли надпись золотыми буквами на граните – и остолбенели. Оказывается, мой боевой друг сидит на постаменте собственного бюста дважды героя!

Федор Семенович замолчал и снова обвел взглядом окружающее сообщество. Что сказать, слушали его с открытыми ртами, очень и очень внимательно. Старик сумел удивить!

– Сидит мой друг и, как простой смертный, нарушает общественный порядок путём распития в неположенном месте. Семен протянул милиционеру руку и говорит: подними-ка меня, сынок, что-то я сегодня затяжелел, ноги не держат. Парнишка молча поднял его и уважительно так спрашивает: может, проводить вас до дома? Нет, говорит дважды

герой, ты лучше нас с другом доведи до своего отделения и культурный стол накрой. Тот по радиации вызвал машину и отвез нас в ближайшее отделение милиции. Объяснил начальству, кого он привез, а майор – тоже хорошим парнишкой оказался – послал сержанта в магазин, а нас с другом в свободную камеру предварительного заключения препроводил. Туда же принесли стулья, стол застелили газетками. Ну, мы с ребятами там всю ночь и просидели.

На этот раз он замолчал дольше обычного. Я обратил внимание, что уже не только я с молодой парочкой, но и сидящие за соседними столиками одноклубники обернулись к нам и внимательно слушают историю.

– Мы, конечно, спрашиваем героя, как, мол, ты две звезды-то свои получил? За какие такие заслуги? Семен сказал, что первую звезду героя Советского Союза он получил на таджикской границе. Приехал он туда к другу в гости на время отпуска. Друг попросил его обучить солдатиков меткой стрельбе, приёмам рукопашного боя и опыту выживания в условиях боевой обстановки. Посадил его на машину, выдал ему снайперский карабин СВД и отправил в такой-то квадрат. Какой не скажу и не пытайте: военная тайна! Семен приехал туда, смотрит – никого. Пусто, безлюдно. И вдруг слышит, внизу под горой голоса раздаются. Он подполз к краю обрыва и увидел, как человек десять афганцев два гроба с красными звездами на себе тащат. Семен прекрасно знал, как духи над телами наших солдатиков издеваются, поэтому

к этой похоронной процессии отнесся с подозрением. Ежу понятно, что на самой оживленной трассе наркотрафика в гробах могут быть не тела героев, а самый обыкновенный героин.

Вдруг видит мой Семен в бинокль, что навстречу этому каравану смерти издали мчится советский генерал в английском джипе. Прикинул расстояние и понял, что у него не больше трех минут, чтобы сорвать преступную операцию. В общем, взял он свой СВД и всех, кроме двоих седых аксакалов, методично перестрелял. Достал из своей машины запасную канистру, спустился, облил бензином и поджег героин в гробах. Схватил аксакалов за бороды и вытащил на гору, связал и посадил в машину. А тут как раз генерал подъехал. Афганцы показали на него пальцами закричали: это он, мы ему героин везли на продажу – нас не убивай, его убивай. Наш Семен взял генерала под прицел СВД и, не обращая внимания на начальственные вопли, достал из английского джипа и переложил в свой УАЗик чемодан с долларами. Потом связал генерала и вместе со свидетелями и деньгами доставил в штаб гарнизона.

Кончилось всё, как ни странно, хорошо. Семен сказал, что ему Бог помог. Могли бы его убить, деньги разделить, инцидент с генеральским проколом замять... Но вышло всё по-другому. Нашему Семену присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

– А вторую звезду где он получил? – спросил хор слуша-

телей. Уже трое мужчин подняли руки с бежевыми банкнотами с символом балета – множеством ног и единственной головой. Саша в красной бабочке в момент «состриг купоны» – и вот целая батарея бутылочек ядовито-оранжевого напитка выстроилась перед рассказчиком.

– Вторую звезду – Героя Соцтруда – он получил на Олимпиаде. Сначала взял Семен золотую медаль по стрельбе. А потом ему начальство сборной говорит: выйди на ринг, положи противника и получишь звезду героя. Вышел. Победил нокаутом. Получил вторую звезду – Героя Социалистического Труда. А за это, сами понимаете, положена установка бронзового бюста на родине дважды героя.

– А почему он на своем памятнике плакал? – спросили совсем уж молодые и наивные, поднимая руки с купюрами вверх.

– Эх, молодежь! – вздохнул пенсионер, печально глядя на них. – Потому что на старости лет, – прорычал Федор Семенович, – наш дважды герой стал нищим и бездомным.

Завершающие звуки последней фразы заглушило отборное сквернословие мужчин, которых вовсе не стесняли в выражении эмоций присутствующие здесь дамы...

Много чего наговорил с расстройства старик, но, правда, без выражений, да.

Интересно, думал я, сидя дома за столом и записывая в дневник впечатления прошедшего дня. Интересно, услышал бы я эту историю, если бы не был знаком с Игорем? Скорей

всего, нет. По всему выходит, что моя встреча с таким человеком, как господин Беклемишев, была предопределена в высших сферах. И это, по всей видимости, не что иное, как знак начинать книгу.

К вопросу о поиске сокровищ

Спустя несколько дней сидел я в кабинете заместителя управляющего банка «Антик-золото» Валерия Васильевича и ждал звонка Игоря. Антиквар нервно бегал по кабинету и был готов растерзать Игоря, меня и всё живое, что попадётся под руку.

– Я говорил ему, возьми спутниковый телефон, возьми группу сопровождения! Предлагал этому недоумку бронированные джипы, автоматчиков. А этот недотёпа один!.. Нет, ты представляешь, один повез полтора миллиона долларов в грязном железнодорожном скотовозе!

Минуты тянулись до ужаса медленно. Казалось, вся атмосфера этого огромного кабинета наполнилась не только резким запахом пота и брызгами слюны, но и тёмными вихрями жадности и страха, которые душили хозяина, кололи сотнями ледяных иголок меня и беспрепятственно растекались по всему зданию, выползая на улицу. Вдруг в моем сознании мелькнула картинка: Игорь сидел у окна своего купе и, благодушно рассеянно улыбаясь, смотрел за окно на проплывающие пейзажи Москвы. Это несколько успокоило. Меня, но не хозяина. В который раз пробормотал я «не волнуйтесь, все будет хорошо, вот увидите», Валерий Васильевич скользнул по мне негодующим взором и в который раз угрожающе кивнул огромной лысоватой головой. Мне стало жаль этого

человека: деньги доставались ему слишком дорогой ценой. Я бы, например, не очень-то удивился, если бы он схватился за сердце и рухнул на дорогой персидский ковер, или, скажем, посинел и с пеной на губах забился в эпилептических судорогах в своем роскошном кожаном кресле.

Наконец, зазвонил телефон. Хозяин кабинета метнулся к нему, как ягуар на кролика, и включил громкую связь.

– Валерий Васильевич, я уже сошел с поезда, – раздался спокойный голос Игоря, – минут через десять встречайте меня у входа в банк.

Мы выскочили из кабинета, спустились по лестнице и встали на ступенях парадного подъезда. Следом за нами на улицу вышли двое крепких парней в черных костюмах и рубашках и замерли по обе стороны от шефа, перемалывая мощными челюстями жвачку. Их правые руки по-наполеоновски лежали за отворотами пиджаков на оружии в наплечной кобуре, выражая тем самым готовность пристрелить любого, кто покажется им подозрительным. Банкир по-прежнему ругался, как заезженная граммофонная пластинка, повторяя что-то про автоматчиков, группу сопровождения и машину отсечки, нервно ходил туда-сюда по тротуару, сипло вздыхая... «Люди в черном», оставаясь на верхней ступени, рыскали глазами по окружающему пространству, высматривая потенциальную цель для открытия огня на поражение.

Я же в это время наблюдал странное зрелище: из подземного перехода вышел потрёпанный мужичок маргинальной

внешности в линялом спортивном костюме. Его неопрятные длинные волосы торчали во все стороны, по обросшей щекой физиономии блуждала улыбка тихопомешанного, поэтому вряд ли опасного, человечка. В руках его болтались, задевая прохожих, две сетки-авоськи, набитые мятыми пожелтевшими газетами. Он смотрел на небо, разглядывал голубей на крышах домов, слегка жмурился от солнца и совсем никуда не спешил.

Наконец, мужичок поравнялся с нами, остановился, положил авоськи у ног банкира и голосом Игоря Беклемишева сказал: «Валерий Васильевич, ваше поручение выполнено». Пожалуй, я не стану цитировать то, что сказал антиквар, когда увидел, завернутые в мятые газеты полтора миллиона долларов, валяющиеся на заплыванном жвачкой асфальте...

Дальше была скучная процедура пересчета денег в кассе под судорожное бульканье виски в глотку банкира, который не уставал поучать нас: «Деньги, ребятки, в нашем мире дают человеку свободу! Если хочешь быть свободным, необходимо зарабатывать много-много денег!».

И, наконец, мы с Игорем вышли из мрачного здания банка на улицу. Спустились по лестнице на тротуар и уже порядочно отошли от банка, направляясь в метро, а нам вслед сипло кричал и кричал возбужденный банкир-антиквар: «Ну ты, Гошка, и лох! Ну ты и гений! Да чтобы я еще раз!.. Да чтобы я с тобой хоть раз! Псих сумасшедший!» Но мы его не слушали, нам было не до него. Нас окружали ярко-бордовые

всполохи роскошного заката, а в наших карманах лежало по пятнадцать тысяч долларов – так распорядился Игорь, а я лишь подчинился его решению. Еще Игорь посоветовал не показывать и не отдавать Ларисе деньги. На вопрос почему, ответил туманно, мол, сам скоро поймешь.

Разумеется, в тот вечер мы долго разговаривали. Во-первых, Игорь мне пояснил свою систему перевоза ценностей. Главное не привлекать внимание криминальных элементов. А кто может быть менее привлекательным, чем нищий пассажир без серьезного багажа с хламом в авоськах. Во-вторых, объявил, что всё это ерунда, прах и суета. Главное, чем он занимался в дороге, – это созерцание. И если первую часть своего рассказа он озвучивал монотонно, безжизненным голосом, то вторую – взволнованно, как важное открытие, а глаза его сияли. Меня эта тема очень интересовала, поэтому я попросил его как можно больше рассказать об этом загадочном явлении.

Игорь обрушил на мою бедную голову ливень цитат. Я слушал, почти не вникая в суть, просто открыл этому сердце и впустил внутрь поток слов, которые казались мне корпускулами божественного света. Потом он порылся в книжных рядах, достал несколько фолиантов, потрепанную общую тетрадь и протянул мне для изучения теории. Потом он рассказал о поиске Точки покоя. Прежде чем начинать её поиск, мне надлежало очистить душу от грехов в таинстве ис-

поведи. Потом отречься от мира страстей и полностью положить на волю Божию. Конечно приучить себя к ежедневной молитве и еженощному посещению церкви с регулярным причастием. Ну а уж потом, не спеша, непрестанно и упорно искать эту самую таинственную Точку покоя.

– А это не разрушит мою жизнь? – малодушно поинтересовался я.

– Нет, что ты! Такой образ жизни не разрушает, а созидает. Ведь что нам с тобой сказал Господь? «...Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?... потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф 6,31–33). То есть, наше дело, человеческое, служить Богу, в первую очередь молитвой, а остальное Он сам так устроит, что и беспокоиться не придется.

– А помнишь, чему нас учил антиквар? Что-то вроде: деньги дают свободу. Разве не так?

– Давай попробуем и с этим разобраться, – сказал Игорь. – Вот смотри. Антиквар имеет много денег, а разве можно сказать, что он свободен от болезней, голода и холода? А возьми самый ужасный страх богатых людей – потерять состояние. Ты же видел, как он ожидал деньги, которые я доставил ему?

– Да, он был на грани истерики или даже припадка, – кивнул я.

– А ведь теряют деньги очень многие. У меня есть знако-

мый по имени Гарик. Он еще в девяностом заработал свой первый миллион. Я тогда сводил его с людьми, которые занимались валютой. В те времена, хоть валюта уже ходила по рукам, но статью за незаконные валютные операции никто не отменял, и грозила та статейка серьезной карой «вплоть до расстрела». Да, Гарик купил у них миллион долларов! И что? Звонит недавно и просит полсотни рублей опохмелиться. Во-первых, он никогда не пил: у него с детства язва и больное сердце. А во-вторых, что за мелочная просьба для миллионера? Оказывается, отобрали у него всё до нитки, до копейки, даже квартиру и загородный дом отняли. Ну и запил наш эксмиллионер вчёрную. Вот так. У нас в стране можно заработать состояние за месяц, а потерять за один день. Ну и о какой свободе богатых людей можно говорить? Иллюзия!

– Похоже на то, – кивнул я.

– А знаешь, давай попробуем мысленно пожить в богатстве, – предложил Игорь, загораясь идеей. – Это должно быть очень интересным.

– Что ж, давай, – согласился я. Мысли моего собеседника представлялись мне непредсказуемыми, но потому и занятыми.

– Итак, начнём, – сказал он и откинулся на кресло, прикрыв глаза. – Ты оказался в нужном месте и в нужное время... Да, это очень важно в подобном деле. Заработал первичный капитал на какой-нибудь шальной сделке, допустим,

на посредничестве по продаже ста тысяч тонн цемента. Затем один очень умный человек предложил тебе вложить деньги в акции «Газпрома». Со временем цена твоих акций выросла в сотни раз. Часть вырученной прибыли ты, опять же по совету того же умного дядечки, вложил в жилищное строительство. Получил прибыль и на перепродаже домов. Твой капитал за три года вырос до ста миллионов долларов. Теперь у тебя есть налаженный прибыльный бизнес, офисы и квартиры в центре Москвы, Парижа и Лондона.

– При таких деньгах я серьёзно занялся своей внешне-
стью, – подхватил я течение мысли. – Накачал мышцы, сделал пластическую операцию лица и стал писанным красавцем. Ко мне потянулись длинноногие красотки из лучших модельных агентств. Я с ними путешествую на собственной яхте и личном самолете по самым красивым уголкам земли.

– Да, ты уже посетил страны Европы, объездил всю Северную и Южную Америку, пляжи Карибов, чудные острова Океании, пострелял носорогов и леопардов на Африканском сафари, познакомился с аборигенами Австралии и вежливо отказался от поедания живых червей и кузнечиков... Ты продегустировал лучшие вина всех стран, самые выдержанные коньяки, ром и виски. Перепробовал мясо и рыбу, овощи и фрукты – в самых изысканных блюдах.

– Я поездил на самых дорогих и мощных автомобилях, – продолжил я. – Поднимал паруса роскошных яхт и летал по океанской волне на самых быстроходных судах. В моих

объятиях побывали лучшие красотки всех цветов кожи. Перезнакомился со знаменитыми актерами, политиками, учеными...

– И в один хмурый ненастный день проснулся поздним утром... – кивнул Игорь.

– Разбитым, похмельным, истасканным... – добавил я.

– И смертельно усталым... – дополнил он.

– Тело болит всюду, – мрачно изрёк я, – а в душе такой чернящий мрак, что единственный выход – пустить пулю в лоб... или глотнуть цианид с приятным вкусом абрикосовых косточек... ну, в крайнем случае, лечь в теплую ванну и остройшей золингеновской бритвой полоснуть по запястьям обеих рук.

– Но перед тем, как решиться на последний поступок в жизни..., – медленно произнес Игорь и повёл рукой: продолжай.

– ...Я вспоминаю свой жизненный путь и прихожу к печальному выводу: с тех пор как я заработал миллионы, меня будто большую белую акулу окружали одни прилипалы. Они не могли любить, дружить, говорить по душам о смысле жизни. Цинизм, пошлость и вымогательство – вот всё, на что они способны. А мне с ними всегда было тоскливо и одиноко. И от этой пустоты я трусливо сбегал в омут алкоголя, кокаина, экстремальных приключений... Но каждый день такой бессмысленной жизни всё глубже загонял меня в трясину отчаяния. Много раз подумывал я о перемене образа жизни...

– ...А тот, кто позволил тебе попользоваться временными игрушками, душу твою вечную цепко держал в черных когтистых лапах и считал её своей собственностью. Ведь он крестил тебя кровью твоих конкурентов, а в обмен на временные игрушки, востребовал у тебя вечную душу! И ты стал его рабом. Так где тут свобода?

– А есть ли она вообще?

– Есть, – кивнул Игорь. – Господь, создавая человека, ограничил Своё всемогущество, в пользу свободы любимого Своего создания. Вот смотри: любой человек в любой момент может сказать прямо в лицо Бога: я отвергаю Тебя! И Господь позволяет этому быть. Мог бы Господь чисто теоретически пресечь любую попытку такого бунта? Конечно! Но Он этого не делает. Потому что только свободный человек способен любить. Раб может из-под палки подчиняться, тихо ненавидя хозяина. А сын Божий имеет возможность по собственной воле прийти к Отцу или... отвергнуть Его. Именно поэтому только Господь, даровавший свободу, как величайшую святыню оберегает свободу человеческую. А враг человеческий всегда старается отнять у него эту святыню, повязать человека цепями долгов, обязательств, страстей разной масти, короче – сделать человека своим рабом. Итак, свобода только у Бога и с Богом! Только так и не иначе.

– Здорово, – сказал я. – Мне это нравится.

– Итак еще и еще раз! – возвысил он голос, – Это очень важно – иметь безукоризненную веру в то, что сказал нам

Господь: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам»!

– Всё-всё?

– Да! Вот ты скажи мне, Андрей, – он внимательно смотрел мне в глаза, – чего ты хочешь в жизни?

– Ну, не знаю, – протянул я, застигнутый врасплох. – Наверное как все, хорошую верную жену. Ну, чтобы, конечно любовь у нас была. Детей хочу. И чтобы в деньгах не нуждаться. Но при этом, неплохо бы иметь свободное время, чтобы заниматься творчеством. Я, видишь ли, вижу себя в будущем писателем.

– Хорошо, – кивнул ободряюще Игорь, – а где бы ты хотел жить? Можешь описать то место, где тебе было бы хорошо и приятно?

– Мне почему-то кажется, что лучше всего мне подошел бы юг. Ну, может, какая-нибудь тропическая страна или наше черноморское побережье, Крым... Наверное, это так, пустые мечты?

– Не скажи, брат. А ты не задумывался, какой он – рай? Тебе не кажется, что в нашем земном представлении южные красоты – море, горы, деревья, цветы – всё это как-то подсознательно ассоциируется у нас с раем.

– Знаешь, Игорь, кажется. Или даже так: я в этом уверен.

– А теперь послушай, что мне видится в твоём будущем. Всё это у тебя будет! Не могу сказать когда и в каком виде, но обязательно ты получишь всё, что желаешь. Ведь твои

пожелания не так уж несбыточны. Мне они представляются вполне естественными. И знаешь, ты их заслужил. Всё будет. По нашим с тобой молитвам. И созерцание будет.

– А почему созерцание?..

– А потому что молитва без созерцания Бога мертва, холодна и бесплодна. Это как шепот в темноту, никому и никуда. А когда человек созерцает Бога, его молитва превращается в живое общение твари с Творцом, сына с Отцом. Понимаешь? Это придет потом, обязательно придет к тебе с живым опытом. Поверь, брат мой, это созерцательное общение с Богом Любви ненасытно и удивительно прекрасно! Ты веришь мне?

– Да, Игорь, верю. И очень хочу этому научиться. Ты не представляешь, как мне надоела моя нынешняя жизнь! Она бессмысленна, как у скота, которого откармливают, чтобы отправить на бойню.

– А это означает только одно, – сказал он полушепотом, – ты, брат, уже избран, внесен в список гостей и приглашен на пир. Тебе надо лишь помыться, одеться во все чистое, прийти и сесть за праздничный стол. И созерцать!..

На следующий день Игорь приготовил меня к первой исповеди. Я перебрал жизнь от самого детства до последнего часа по дням и написал на листочке бумаги огромное количество грехов. Довольно часто переспрашивал: неужели и это грех, неужели и это нельзя? Какая чистота требуется от

нас, сейчас и навсегда! Пока я этим занимался, то страх, то отчаяние, то брезгливость к самому себе накатывали на меня мутной тягучей волной. Чем дальше, тем больше я ощущал себя грязным, смердящим дикарём, не знающим ни мыла, ни горячей воды. Меня сильно тянуло в церковь, к священнику, чтобы всю эту грязь из души выскрести и отмыть до полной чистоты. Наконец, мы с Игорем вышли из дому и дошли до церкви, я встал в очередь исповедников и погрузился в предчувствие близости чего-то очень хорошего и светлого.

Передо мной стояла молодая семейная парочка. Они склонили головы и напоминали нашкодивших детей, пришедших к суровому отцу для получения подзатыльников. Когда подошел мой черед, я со стыдом и страхом, на негнущихся ногах, подошел к аналою. Несколько секунд, показавшиеся мне часами, я молчал, проглатывая спазм в горле и преодолевая острое желание развернуться и сбежать, потом, наконец, набрался смелости, чужим голосом прочел список своих преступлений и сжался от приступа страха. Священник успокоил меня, полусшепотом задал несколько вопросов и... назначил мне епитимию: поклоны и чтение покаянного канона в течение ближайшей недели. «Приготовься к причастию, в следующую субботу вечером еще раз исповедуешься, а в воскресенье я тебя причащу», – сказал он.

Вышел я из храма в таком состоянии, как застарелый грязнуля впервые из бани. Только еще лучше. Меня словно облил яркий весенний свет. На улице смеркалось, нас с Игорем

окружала толпа прохожих. Я смотрел на мужчин, женщин, детей, стариков, птиц и собак – мне они казались родными и близкими. Ни тоски, ни печали, ни страха, ни раздражения! Только любовь, только желание всех обнимать и прощать, а еще непременно каждому рассказать, как мне хорошо и легко! Любовь – незнакомая до сих пор, светлая и мощная, как луч света из прожектора, тихая и трепетная, как огонек свечи, как улыбка ребёнка или бабушки, восторженная, как птичье щебетанье – затопила меня с головы до пят...

Да, были потом ежедневные чтения канона, земные поклоны до боли в спине, голодный пост, увлекательное чтение жития святых. И, наконец, я причастился. В тот воскресный день кровь Христа пролилась на мой язык и заструилась по моим кровеносным сосудам, в то мгновение плоть Спасителя сладким комочком без остатка растворилась у меня во рту и стала прорастать во мне невидимым божественным огнём...

В тот счастливый воскресный день я стал другим. Во мне будто ожили, проснулись и запульсировали свежими струями алой крови токи обновления всего моего существа. Это происходило невидимо, но осязаемо: то одна позорная страсть, то другая, то дурная привычка, то дежурный грешок вдруг отмирали и спадали с тела души, будто засохшая вишняя бородавка или бесследно исчезали, как затянувшийся уродливый шрам. Я оглядывался назад, на пройденный путь, возвращался в нынешнее состояние и понимал, что в

моей жизни произошло невиданное и неожиданное открытие: я стою в безбрежном океане богатств, непомерной роскоши, сверкающих драгоценностей – и могу всем этим пользоваться без ограничений. Бери, сколько сможешь унести.

А однажды ночью, прекрасной теплой ароматной луно-звездной ночью, я впервые молился настоящей живой молитвой. Она рождалась сама в глубине души, разливалась по всему телу и выплескивалась из гортани наружу в виде шепота. Потом я накинул шерстяной свитер и вышел на балкон. В груди, там, где пульсировало сердце, только гораздо глубже, настолько глубже, насколько выше человека небо и то, что превышает небес – там, на немыслимой глубине души, я увидел свет.

...Как-то в детстве меня возили в деревню. Во дворе дома стоял колодец глубины поразительной. Я ложился грудью на сруб и со страхом заглядывал вниз, в гулкую, сырую глубину. Вода голубым озерцом плескалась далеко-далеко, глубоко-глубоко, среди черных бревен, в черной глубокой дали. Оттуда, от поверхности колодезной воды, сквозь страшный-престрашный мрак, сиял голубоватый свет неба. Так и сейчас из глубины моей души сиял золотисто-голубоватый свет, отражающий сверкание невидимого солнца, круглого диска луны и россыпи звезд на небе. Я сидел неподвижно, опасаясь нарушить это дивное состояние светлого покоя.

Нет, мне еще далеко было до того, что описывал Игорь. Он

созерцал невидимого и непостижимого Бога, а я лишь отсветы Его божественной любви, рассыпанные по бесконечным далям созданной Им вселенной. ...И как часть этого Божьего мира, наблюдал таинственный отсвет в самом себе. «Бог, когда смотрит с отеческой любовью на человека, не замечает его ущербности, но видит Своё отражение в глубине человеческой души», – вспомнились вдруг слова из того бурного потока, излитого на меня Игорем. Наконец, прохлада ночи проникла внутрь, я ощутил холод, легкий озноб, встал и покинул балкон.

В комнате, в полной темноте, я нечаянно наткнулся на что-то теплое и упругое. Вспыхнул торшер, и я увидел сидящую в кресле Ларису, закутанную в шерстяной плед. Мне очень хотелось с ней поделиться радостью открытия, рассказать о таинственном свете. ...Но она опередила меня и зашипела, как змея. И снова на мою голову посыпались упрёки, обвинения, оскорбления. «Всё, – мелькнуло в голове, – оплаченный тысячью долларов покой закончился». Я слушал злобные черные слова и нимало не огорчился – свет из глубины души успокаивал привычные возмущения души. Поэтому когда Лариса в приступе ярости пригрозила завтра же уйти от меня, я ответил: «Конечно, Лариса, уходи. Ты права. Мы с тобой не пара». И прилег на диване в гостиной, и погрузился в покойный сон, со счастливой улыбкой на лице. Таинственный свет продолжал во мне жить и радовать тихой, безмятежной радостью.

Утром женщина снова пыталась меня образумить новыми оскорблениями. Прощения она у меня не попросила. Обычно такие приступы кончались тем, что я отдавал всё «заработанное тяжким непосильным трудом». На этот раз, я не чувствовал потребности сносить унижения, тратить деньги на тряпки, не цеплялся за её красоту, тем более, что маска злобного тролля снова искажала чистые линии лица, делая его отталкивающим. Ночью мне посчастливилось увидеть красоту ни с чем не сравнимую. И испытал радость намного выше тех кратких мгновений телесных удовольствий, которыми она меня изредка привлекала, а чаще шантажировала.

Молча достал из кладовки её чемоданы, взял с тумбочки у входной двери её комплект ключей, отцепил два своих ключа и невозмутимо сказал: «Ты права, тебе нужен другой мужчина. Из тех, кто не даёт тебе проходу. Я не такой. Прости!» Еще с полчаса, пока она собирала вещи, мне пришлось выслушивать оскорбления. Сколько же злобы, оказывается, живет в этой женщине, с виду такой приятной! Внутри же себя наблюдал я полный покой. В ту минуту вспомнил совет Игоря не давать ей денег, мол, всё сам попозже узнаешь. Вот и узнал... Напоследок она обозвала меня самыми грязными словами, которые имелись в её лексиконе, и изо всех сил грохнула входной дверью. Я облегченно вздохнул и почувствовал свежую, как утренний ветерок, радость освобождения!

Стоило мне вернуть себе холостяцкий статус, как уже через неделю об этом узнали мои друзья. Кто-то напрашивался в гости, чтобы погрузиться в ядовито-сладкие объятия тов. Бахуса; кому-то нужна была квартира «на пару часов»; случались такие, кто просились пожить на неопределенное время. Как мог, я отказывался, ссылаясь на кучу работы. На самом деле я нуждался в уединении, чтобы разобраться с самим собой.

Зашел ко мне Игорь. Внимательно посмотрел на мою унылую личину и тактично опустил глаза. Посидели за чаем, помолчали.

– Знаешь что, – сказал друг, – давай-ка, брат, собирайся. Возьми с собой только самое необходимое. Мы с тобой поедем к нашему старику на дачу. Он утром позвонил мне и пригласил в гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.